УДК 316.323:316.26

Горлов А.В.,
старший преподаватель кафедры философии и истории
ФГБОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК» (Российская Федерация, г. Орёл)

О ФОРМАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Опираясь на исторические факты, автор статьи демонстрирует научную несостоятельность утверждения В.П. Илюшечкина о том, развитие докапиталистического общества не проходит формационные ступени, о которых писал К. Маркс.

Ключевые слова: теория формаций К. Маркса, развитие докапиталистического общества, деспотизм, рабовладение, феодализм.

Автор монографии «Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах» историк В.П. Илюшечкин стремится убедить читателя в том, что К. Маркс расчленил докапиталистическое общественное развитие на три формационные ступени – деспотическую («азиатскую»), рабовладельческую и феодальную – без серьёзного экономического анализа, чуть ли не наугад, по наитию: дескать, главную роль сыграло здесь пагубное влияние обаятельного утописта Сен-Симона и хитроумного идеалиста Гегеля. Действительно, развёрнутой экономической характеристики деспотизма, рабовладения и феодализма у Маркса нет, но значит ли это, что в его трудах указанные формации вообще не имеют экономического обоснования?

Особый интерес для всех, кто исследует древнюю и средневековую историю человечества в рамках формационного подхода, представляют Марксовы рукописи 1857–1858 гг., а точнее, тот их раздел, который посвящён анализу основных форм докапиталистического производства. Этот

аналитический материал — всего лишь тощий черновик, явно не предназначенный для печати, имеющий массу терминологических и содержательных недостатков, и поэтому может показаться, будто ждать от него существенной помощи в распутывании сложнейших узлов теории докапиталистического общества не стоит. К тому же, снабдив указанный материал многообещающим заголовком «Формы, предшествующие капиталистическому производству», Маркс вроде бы резко, сразу же уходит в сторону: вместо того, чтобы рассматривать докапиталистическое производство, его производительные силы и производственные отношения, он заводит речь о формах общинной собственности, т.е. берётся вроде бы за исследование не столько экономических, сколько юридических вопросов. Однако на самом деле никакого ухода автора рукописи от заявленной им темы нет, ибо в данном случае Маркс рассматривает собственность только в экономическом плане — как форму эксплуатации, присвоения чужого труда.

Маркс выделяет в докапиталистическом обществе три основные формы общинной собственности на землю: «азиатскую», «античную» и «германскую». В «азиатской» общине, пишет он, собственность выступает «как *общая собственность*, при которой отдельное лицо является только владельцем и частной собственности на землю вовсе не существует»[1]. Это — патриархальный (деспотический) коллектив, где субъект социальной деятельности ещё настолько не развит, что содержащееся в нём противоречие общественного и личного проявляет себя как чистая случайность. В патриархальную эпоху личность не отделяет себя от общества, а общество — от личности: личная жизнь мыслится как служение обществу и, наоборот, служение обществу — как личная жизнь.

Другое дело — «античная» община, где собственность на объективные условия труда «выступает в двоякой форме — как государственная собственность и наряду с ней частная собственность, но так, что последняя обусловлена первою, в силу чего только гражданин государства является и должен быть частным собственником, между тем как его собственность как гражданина государства имеет в то же время особое существование»[2]. Это — рабовладельческий коллектив, в котором субъект социальной деятельности уже настолько сложен, противоречив, что всё его существование представляет собой жёсткую, непримиримую борьбу общественного и личного. В эпоху рабовладения общество и личность борются друг с другом, с одной стороны, как государство и гражданин, с другой — как рабовладельческая община и раб.

Противоречие между обществом и личностью, разлагавшее субъект рабовладельческого строя, привело к появлению «германской» общины, в которой «общинная собственность выступает только как дополнение к индивидуальной собственности, тогда как последняя фигурирует как её базис, а община сама по себе вообще не существует вне *собрания* членов общины и вне их соединения для общих целей»[3]. Это — феодальный коллектив, иерархия землевладельцев, где субъект социальной жизни вновь обретает единство, существовавшее при деспотизме и утраченное при рабовладении, но теперь оно имеет не стихийный, а сознательный характер. Тем самым субъективность деятельности достигает высшего уровня своего развития, однако в основе этого достижения лежит консервация объективных условий труда на уровне деспотизма и рабовладения.

Следует отметить, что, анализируя деспотическую («азиатскую»), рабовладельческую («античную») и феодальную («германскую») формы общинной жизни, Маркс описывает эти формы не как независимые друг от друга абстрактные сущности, а как ступени развития субъекта, как стадии субъективации деятельности в рамках докапиталистического общества. Развитие последнего имеет, таким образом, субъективный характер, т.е. развивается субъективная часть производительных сил — человек, в то время как объективная часть — средства производства — существенного развития не получает.

Марксисты, как правило, недооценивают субъективность докапиталистического общества. Причём недооценивают как про-

тивники, так и сторонники деления истории этого общества на ряд формационных ступеней. «Покажите нам, — требуют противники, — революционные средства производства, которые появились в эпоху раннего средневековья!» — и их оппоненты усердно пытаются показать, не понимая, что экономическая основа феодальной, а ранее — рабовладельческой, революции имеет не вещный (объективный), а человеческий (субъективный) характер.

«...Производительные силы включают в себя не только технику, но и человека, причём в качестве главной производительной силы», — подчёркивает С.Э. Крапивенский[4]. На наш взгляд, правильней сказать так: *в состав производительных сил наряду с техникой, которая есть средство производства, входит техника, которая есть искусство производителя*, т.е. комплекс производственных действий субъекта. До появления капитализма из этих типов техники существенное развитие получил лишь второй, субъективный — техника организации общественных отношений.

В.П. Илюшечкин игнорирует субъективный характер развития докапиталистического общества, что и привело автора «Эксплуатации и собственности» к отрицанию деспотизма, рабовладения и феодализма как ступеней формационного развития. Занимать какую-либо иную теоретическую позицию, заявляет историк, не позволяют факты. Проверим, так ли это.

«В древнейших примитивных государственных образованиях, возникших в IV тысячелетии до н.э. на территории Двуречья и Египта, — характеризует Илюшечкин экономическую жизнь ранних цивилизаций Переднего Востока, — главным источником дохода правящей прослойки родовой знати была, по-видимому, эксплуатация ею свободных общинников через складывающийся государственный аппарат путём отчуждения их прибавочного труда и прибавочного продукта в форме налогов и трудовых повинностей»[5]. Это что же за «свободные общинники», которых эксплуатирует знать? О какой такой свободе идёт речь? Юридической? Но в ранних государствах нет ещё правового регулирования общественных отношений, здесь функции духовного регулятора выполняет одна лишь нравственность, другие регуляторы пока отсутствуют.

И тем не менее, согласно Илюшечкину, уже в древнейших государствах Востока существовала юридическая свобода. Более того, в Египте в периоды Древнего и Среднего царства «основную массу населения» составляли «юридически свободные крестьяне»[6]. «Бóльшая часть их, судя по различным данным, была самостоятельными мелкими землевладельцами, объединёнными в общины и обязанными нести налоговые и трудовые повинности в пользу государства»[7]. Обратите внимание на выражения, из которых Илюшечкин, «судя по различным данным», лепит образ типичного представителя древнейшего Египта: этот всецело — и материально, и духовно — зависевший от патриархального государства человек, видевший в своём правителе-деспоте бога и, соответственно, в деспотической, квазиобщинной системе отношений священный порядок вещей, — подаётся как «самостоятельный мелкий землевладелец», для которого община, как и государство, — внешняя форма существования (его туда кто-то поместил), а повинности — всего лишь обременительная обязанность. Ну, ни дать ни взять — зажиточный советский крестьянин в эпоху коллективизации. И эта явная модернизация древней истории якобы продиктована фактами!

В странах Переднего Востока, пишет Илюшечкин, «в XXX—XXV вв. до н.э., по мере зарождения и развития крупного частного землевладения царей, храмов и представителей знати и превращения общества в классовое, ... всё более широкое распространение получали различные формы частнособственнической эксплуатации. Господствующее положение среди них занимала, судя по всему, арендная эксплуатация. В Двуречье едва ли не все храмовые и царские земли сдавались в аренду безземельным и малоземельным крестьянам на тех или иных условиях, а также передавались мелкими участками служкам, ремесленникам, рыбакам, пастухам и другим работникам данного хозяйства и крупными участками — жрецам, чиновникам и представителям администрации хозяйства. Держатели служебных

наделов («земель кормления») — непосредственные производители, в сущности, подвергались арендной эксплуатации, отрабатывая за эти наделы в храмовом или царском хозяйстве и выплачивая за них небольшой оброк, а держатели крупных наделов сами выступали в качестве эксплуататоров, сдавая полученную ими землю мелкими участками в аренду крестьянам за плату более высокую, чем сами они платили данному хозяйству. Земля знати, судя по всему, обрабатывалась издольщиками. Арендная плата составляла обычно от $^1/_6$ до $^1/_3$ урожая в зависимости от качества земли»[8].

Вот оно какое, согласно Илюшечкину, Двуречье в эпоху самых ранних государств: куда ни глянь — всюду аренда. Даже царские слуги с их условным землевладением («держатели служебных наделов») — и те «в сущности» арендаторы. Царство аренды, а не патриархальных отношений, и, соответственно, царь — главный арендодатель! Правда, «в XXII—XXI вв. до н.э., при 3-й династии Ура, в царских и храмовых хозяйствах Двуречья, поставленных в то время под общий государственный контроль, стала преобладать эксплуатация юридически свободных, но экономически закабалённых безнадельных работников, получавших за свой труд натуральный паёк», но «эта промежуточная между наёмным трудом и рабством форма ... господствовала в системе частнособственнической эксплуатации сравнительно недолго», и после падения 3-й династии Ура господство вернулось к аренде: «часть земли царских и храмовых хозяйств вновь была распределена в качестве служебных наделов среди работников и административного персонала хозяйств, а другая часть её стала сдаваться в аренду крестьянам из доли урожая. При этом издольщики разбивались на группы, возглавляемые каждая своим начальником, и являлись фактически его субарендаторами»[9]. В общем, картина такая: царь и другие эксплуататоры поэкспериментировали с наёмным трудом и рабством, увидели, что получилось плохо, а посему взялись за развитие старой доброй аренды. В результате в систему арендной эксплуатации вошла подсистема субаренды.

В период Старовавилонского царства, продолжает Илюшечкин обзор экономической жизни древнего Двуречья, господство аренды было законодательно закреплено в кодексе Хаммурапи, «охранявшем интересы крупных владельцев»[10]. Такое определение классовой сущности одного из древнейших кодексов позволяет предполагать, что он закрепляет какие-то важные преимущества высшего слоя вавилонского общества, ущемляя тем самым интересы других его слоёв, однако, предположив это, мы совершим ошибку. Законы Хаммурапи никак не выделяют крупных владельцев из общей массы собственников и, соответственно, не предоставляют им каких-либо особых льгот. Более того, в «Прологе» кодекса его создатель провозглашает своей целью торжество справедливости, в частности государственную защиту слабых от сильных.

И это не пустые слова. Законы Хаммурапи имеют ярко выраженный нравственный характер, не оставляющий места для выпячивания интересов какого-то одного общественного слоя в ущерб другим. В чём тут дело, почему, являясь крупнейшим собственником Двуречья, Хаммурапи не написал законов, предоставляющих льготы крупным собственникам? Отсутствие узкоклассового подхода к законодательству у властителей Двуречья во II тысячелетии до н.э. может показаться странным только тому, кто не учитывает деспотического, патриархального характера тогдашней общественной жизни.

Будучи патриархальным правителем, Хаммурапи не мог защищать какую-то одну из основных форм владения (например, крупную, как утверждает Илюшечкин), ибо экономический фундамент деспотизма — владение как таковое, а не одно лишь крупное, среднее или мелкое. Эта особенность деспотического строя накладывает свой отпечаток на все без исключения отношения раннего общества, и, игнорируя её, невозможно получить их адекватный образ. В частности, склонность патриархального владыки к бюрократизму нередко объясняют его жадностью, хотя дело не в жадности, а в стремлении обеспечить эффективный общественный кон-

троль над отношениями собственников. Жадность появляется лишь в эпоху разложения деспотического строя.

Царь древней Месопотамии, подчёркивает В.А. Якобсон, «сохранял в глазах общества, да и в собственном представлении, черты племенного вождя», считал себя обязанным «защищать членов общины, особенно слабейших», причём в роли общины выступало всё его царство. Поэтому «фраза, постоянно встречающаяся в царских указах: «...дабы сильный не притеснял слабого, дабы сироте и вдове оказываема была справедливость...», — не должна рассматриваться всего лишь как социальная демагогия. Цари действительно принимали меры к ограничению долгового рабства, пытались бороться с распродажей общинных земель»[11]. Идея справедливости, диктующая нравственное отношение к общественным порядкам, не просто присутствует в древневосточном законодательстве — она пронизывает его, выступает как его неотъемлемое свойство[12].

По мнению Якобсона, старовавилонское общество — раннерабовладельческое, отсюда — недооценка законодательного величия царя Хаммурапи: он-де всего лишь притормаживал «действие неумолимых экономических процессов», т.е. развитие рабства[13]. Государственные мероприятия этого царя, пишет в том же ключе Н.В. Козырева, «по сути своей были направлены не на обновление общества, а на поддержание традиционных общественных институтов, таких как натуральное хозяйство, общинная собственность на землю и т.п. Следовательно, объективно Хаммурапи стремился оказать противодействие тому новому, что, по представлениям того времени, разрушало государство и подрывало его социальные и экономические устои. Ставя препоны частной деятельности, приводящей к обогащению одних лиц и разорению других, реформы Хаммурапи, по существу, были направлены против расширения товарного производства и обращения.

Однако в тех условиях подобное расширение, хотя оно и приводило к расцвету ростовщичества, злоупотреблениям политической властью, подрыву общинной собственности на землю, было единственной возможной формой развития экономики, и все попытки остановить это развитие не могли иметь долговременного успеха»[14].

В свете столь низкой оценки реформаторской и законодательной деятельности Хаммурапи становится совершенно непонятным, почему эта деятельность «произвела большое впечатление на современников и надолго осталась в памяти потомков»[15]. Законы Хаммурапи (ЗХ) «считались образцом законодательства на протяжении всей дальнейшей истории «клинописной» культуры Месопотамии, — отмечает Козырева. — Их продолжали переписывать и изучать вплоть до эллинистического и даже парфянского периода истории Вавилонии. До нас дошло около 40 списков текста ЗХ, что намного превышает количество списков подавляющего большинства древних текстов»[16]. Вот какое устойчивое, многовековое уважение потомков снискали законы, которые, по мнению Якобсона и Козыревой, тормозили развитие экономики, а потому «не могли иметь долговременного успеха»!

Нет, дело не в поразительной слепоте потомков, умудрившихся за несколько столетий не увидеть реакционную сущность законодательства Хаммурапи. Дело в другом: знаменитый законодатель древности не был реакционером. Его законы не ставили препон развитию частной собственности и рабства по той простой причине, что это развитие ещё не началось. Во II тысячелетии до н.э. и много позже всякая месопотамская собственность была в той или иной степени общественной, а всякий месопотамский раб был, строго говоря, не рабом, а *варду* — представителем низшего общественного слоя.

Об отсутствии частной собственности в древнем Двуречье говорит, в частности, тот факт, что правитель-деспот, действуя в интересах всего общества, мог запросто вмешаться в любые частные отношения. Например, Хаммурапи каждые пять — семь лет издавал указы, которые требовали «аннулировать сделки, заключённые на основе кабальных соглашений, освобождать от временного рабства, возвращать недвижимость первоначальному владельцу»[17].

Что касается вавилонского рабовладения, то и оно, подобно собственности, имело весьма своеобразные черты. «Рабство носило патриархальный характер, т.е. раб был чем-то вроде несовершеннолетнего члена семьи»[18]. Следует уточнить, что в патриархальные времена семья выступала не иначе, как ячейка общества, и всё общество представляло собой одну большую семью. В этих условиях быть рабом означало быть инфантильной личностью — членом общества, не способным вести общественную жизнь самостоятельно, по своей воле. *Если классический раб — это приватизированная, вырванная из общества личность, т.е. член общества, субъективно находящийся вне общества, то патриархальный раб — это всего лишь личность, живущая в неволе, низший, наиболее зависимый член общества.* Во избежание путаницы патриархального раба лучше называть не рабом, а невольником.

Следуя советской традиции, Д.Г. Редер в статье, посвящённой старовавилонскому рабству, исходит из того, что государство Хаммурапи было рабовладельческим, что, соответственно, тамошние рабовладельцы имели неограниченную власть над находящимися в их собственности рабами[19], однако, разбирая факты, вынужден то и дело противоречить этой предвзятой точке зрения. В частности, анализируя статью 282 ЗХ («Если раб скажет своему господину: «Ты — не мой хозяин», то тот должен изобличить его как своего раба, и затем его господин может отрезать ему ухо»), историк отмечает, что «законодатель неожиданным образом оказывается посредником между собственником и его одушевлённым имуществом»[20].

«В первый момент, — пишет далее Редер, — может показаться, что этой статьёй нарушаются все основные принципы рабовладельческого строя. Оказывается, что не сам рабовладелец определяет меру наказания своему рабу, а судьи, руководствующиеся точным указанием закона»[21]. Так оно и есть: принципы рабовладения нарушены, но историк, спасая советскую традицию, пытается доказать обратное.

«Конечно, — рассуждает он, — вызывает удивление рекомендация конкретного наказания, которому должен подвергнуться человек, которого суд признал рабом. С точки зрения правовых норм рабовладельческого общества, следовало бы просто отдать раба под власть лица, признанного его законным господином (как в случае поимки беглого раба).

Надо, однако, полагать, что закон закреплял укоренившийся обычай. Убийство раба не запрещалось, но считалось бессмысленным, непрактичным поступком. Самым обычным наказанием для раба считалось отрезание уха. Оно было болезненным и в то же время не лишало его трудоспособности, не приносило хозяину убытка. Интересно, что такое бесчеловечное калечение, как отрезание пальцев, законы Хаммурапи предусматривают лишь для свободного человека, совершившего то или иное преступление (§§ 195, 218, 226, 253), но не для раба»[22].

Действительно, интересно: отрезать пальцы у свободного человека практично, а у раба непрактично! Тут в редеровском анализе концы с концами не сходятся. Всё станет на свои места, если вспомнить, что речь идёт о патриархальном обществе, в котором невольник, в отличие от свободного человека, рассматривается как убогая личность, не способная серьёзно отвечать за свои слова. Поэтому-то законы Хаммурапи за схожие преступления — например, за непризнание приёмным сыном (свободным человеком) власти приёмных родителей (статья 192) и за отрицание невольником власти хозяина (статья 282) — строже карают свободного человека (обязательным отрезанием языка), чем невольника (возможным отрезанием уха).

«Рабство, — пишет о старовавилонском обществе В.А. Якобсон, — постепенно утрачивает свой патриархальный характер, приобретает всё более суровые формы. Ещё во времена III династии Ура раб мог оспаривать своё рабское состояние перед судом, хотя, как правило, проигрывал процесс. Законы Хаммурапи ... устанавливают, что раб, проигравший такой процесс, подвергается жестокому наказанию. А ещё позднее ни о каких судебных спорах вообще не может быть речи. Рабы носят знаки рабства — сначала в виде особой стрижки, а затем и настоящие клейма. Постепенно общественное сознание перестаёт воспринимать раба

как личность (пусть неполноценную). Раб становится видом движимого имущества»[23].

Изображая переход старовавилонского общества от невольничества к рабству, историк вольно или невольно отдаёт дань порочной традиции рассматривать это общество как рабовладельческое. Но даже нововавилонское общество (VI в. до н.э.) было скорее патриархальным, чем рабовладельческим: рабов здесь «насчитывалось гораздо меньше, чем свободных и зависимых»[24]. Чтобы рабство пришло на смену невольничеству, рабовладельческая эксплуатация должна сменить деспотическую, а это означает кардинальную перестройку всей общественной жизни, разрушение привычной, патриархальной системы отношений. Такая перестройка не может идти постепенно, сама собой, как рисует её Якобсон, она происходит в условиях острого социального кризиса, требующего немедленного, революционного преодоления.

Таким же болезненным является переход от рабовладения к феодализму, что хорошо видно на примере поздней Римской империи. Только резкое ухудшение условий жизни в рамках этой супердержавы заставило её жителей отказаться от привычных для них рабовладельческих отношений и взяться за строительство новых, феодальных.

Сравнивая древних дружинников и средневековых вассалов, Н.П. Павлов-Сильванский прежде всего отмечает сходство между ними: «так же как дружинник, вассал не подданный и не наёмник, он свободный человек, обязавшийся верно служить господину на поле брани». Однако есть и существенное различие: если дружинники связаны со своим князем и нравственно («клятвою верности и службы») и материально («хозяйственным сожительством с князем»), то «вассалы, наоборот, живут в отдалении от господина, на своих землях, пожалованных или собственных, и ведут своё самостоятельное хозяйство. Дружина превращается в вассальство, когда дружинники из перехожих воинов становятся оседлыми землевладельцами, оставаясь воинами, и, уже только нравственно — людьми дома, очага-огнища своего господина»[25].

Легко заметить, что, характеризуя вассалитет, историк воспроизводит систему социальных связей, которая в рукописях Маркса фигурирует как «германская община» — высшая форма квазиобщинных отношений докапиталистического общества. Чтобы сложилась такая система отношений, рабовладельческое общество должно кардинально измениться: рабовладелец должен превратиться в сеньора, а раб — в его вассала. Это изменение носит субъективный («всего лишь субъективный», как сказал бы Илюшечкин) характер, но его субъективность не умаляет его значимости для развития общества.

Переход от рабовладения к феодализму напоминает возвращение к деспотизму, и, действительно, деспотическая и феодальная системы социальных связей имеют сходство: в отличие от рабовладельца, деспот, как и сеньор, видит в том, кого он эксплуатирует, личность. Однако деспот делает это стихийно, неосознанно, а сеньор сознательно, поэтому личная связь деспота и патриархального общинника никак не фиксируется, в то время как личная связь сеньора и вассала скрепляется договором.

Таким образом, в ходе докапиталистического развития человечество пережило две грандиозные общественные революции субъективного плана: сначала рабовладельческую, а потом — феодальную. Игнорировать эти революции значит чрезвычайно грубо, поверхностно, примитивно исследовать мировую историю. И именно такой примитивный подход настойчиво предлагает В.П. Илюшечкин.

«Наиболее распространённой, господствующей формой частнособственнической эксплуатации почти во всех азиатских странах в период средневековья являлась аренда в её различных разновидностях, — пишет историк. — В странах Передней и Средней Азии переход к средневековью не сопровождался какими-либо существенными изменениями в сложившейся там в древности системе частнособственнической эксплуатации»[26]. Вот так: господство аренды и в древности, и в средневековье. Однообразная, унылая картина на протяжении нескольких тысячелетий!

Между тем в реальности за данный период времени азиатское общество успело перейти сначала от деспотического типа эксплуатации к рабовладельческому, а по-

том — от рабовладельческого к феодальному. И пусть Азия не знает такого яркого, динамичного, последовательного развития докапиталистической эксплуатации, какое знает Европа, но то, что такое развитие имело место, — несомненно, ибо об этом свидетельствуют факты. Надо только грамотно их интерпретировать. В частности, не стоит, вслед за Илюшечкиным, изображать дело так, будто деспотическая аренда — это то же, что рабовладельческая, а рабовладельческая — то же, что феодальная, будто невольник (патриархальный раб) — то же, что раб, а раб — то же, что вассал, силой превращённый сеньором в его движимую собственность.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I. М., 1968. С. 274.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Крапивенский С.Э. Социальная философия. Волгоград, 1996. С. 142—143.
[5] Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990. С. 160.
[6] Там же. С. 161.
[7] Там же.
[8] Там же. С. 160.
[9] Там же. С. 162.
[10] Там же.
[11] Якобсон В.А. Предисловие // Кленгель-Брандт Э. Путешествие в древний Вавилон. М., 1979. С. 21—22. Якобсону почти дословно, как эхо, вторит Н.В. Козырева: «Царь в Месопотамии очень долго сохранял многие черты вождя племени, обязанного заботиться о сирых и убогих. Таким его воспринимало массовое сознание, так понимал свой долг и он сам» (История древнего мира. Ранняя древность. М., 1989. С. 100).
[12] «Любой современный юрист и историк права, обращаясь к изучению древневосточного юридического наследия, неизбежно столкнётся с термином mīšarum («справедливость»)...» (Никитина А.Д. Указ о «справедливости» (mīšarum) царя Аммицадуки и его роль в развитии публичного права в Вавилонии II тыс. до н.э. // Проблемы истории и культуры Древнего Востока. Материалы конференции. С. 76.)
[13] Якобсон В.А. Предисловие // Кленгель-Брандт Э. Путешествие в древний Вавилон. М., 1979. С. 22.
[14] История древнего мира. Ранняя древность. М., 1989. С. 109.
[15] Там же.
[16] Там же. С. 108. Об этом же пишет Э. Кленгель-Брандт: «На протяжении веков сохранялось большое уважение к Кодексу Хаммурапи...» (Кленгель-Брандт Э. Путешествие в древний Вавилон. М., 1979. С. 143.)
[17] История древнего мира. Ранняя древность. М., 1989. С. 90.
[18] Якобсон В.А. Предисловие // Кленгель-Брандт Э. Путешествие в древний Вавилон. М., 1979. С. 20.
[19] Редер Д.Г. К вопросу о юридическом положении рабов по законам Хаммурапи // Древний Восток. Сборник 1. М., 1975. С. 234.
[20] Там же. С. 235.
[21] Там же.
[22] Там же. С. 236.
[23] Якобсон В.А. Предисловие // Кленгель-Брандт Э. Путешествие в древний Вавилон. М., 1979. С. 22.
[24] История древнего мира. Кн. 2. М., 1983. С. 133.
[25] Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 98.
[26] Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990. С. 236.

Gorlov A.V., e-mail: strix63@yandex.ru
senior lecturer of the department "Philosophy and History" of FSBEE HPE "State University — ESIC" (Russian Federation, Orel).

ON FORMATION DEVELOPMENT OF PRE-CAPITALIST SOCIETY

The author of the article, basing himself on historical facts, demonstrates a scientific groundlessness of V.P. Ilyushechkin's assertion, that the development of Pre-capitalist Society doesn't pass through formation stages, K. Marx wrote about.

Key words: K. Marx's theory of formations, the development of Pre-capitalist Society, despotism, slave-owning system, feudalism.